

**НОВЫЙ
Журнал**

130

**THE NEW
REVIEW**

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Ю. Кротков</i> — Сирень	5
<i>П. Палий</i> — Замостье	20
<i>Г. Андреев</i> — Минометчики	49
<i>И. Маркадэ</i> — Значение Малевича в совр. живописи	65
<i>Р. Плетнев</i> — Л. Толстой и звукоподражания	75
<i>Е. Вагин</i> — Об эпитафии поэмы "Мцыри"	82

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ:

<i>Письма В. Розанова</i> (публ. Д. Перчонка)	92
<i>Неопубликованные воспоминания А. Вырубовой</i>	101
<i>О. Мочалова</i> — О Вяч. Иванове	150
<i>А. Бахрах</i> — Разговоры с Буниным	159
<i>И. Сиявин</i> — Творческая вылазка	189

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА:

<i>В. Ильин</i> — О "Вавилонской блуднице"	212
<i>М. Раев</i> — О книге А. Безансона	219
<i>В. Зубов</i> — Собаки в СССР	229

ПАМЯТИ УШЕДШИХ: *проф. кн. А. Щербатов* — К.Г. Белоусов.

<i>Ю. Кротков</i> — А. Галич	240
------------------------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ: *Е. Климов* — М. Добужинский.

Воспоминания. *С. Крыжицкий* — Л. Ржевский. Две строчки времени. *Н. Андреев* — Н. Ульянов. Сириус. *С. Женук* — ВСХСОН. Сборник материалов. *Л. Ржевский* — А. Седых. Крымские рассказы. *С. Женук* — В. Стивенсон. Человек, названный бесстрашным. *Б. Нарциссов* — Три книги Ю. Миролубова. *Книги для отзыва* .....

246

О ВЯЧЕСЛАВЕ ИВАНОВЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Как только хватило храбрости придти к большому человеку, поэту, мыслителю, ученому в его кабинет на Арбате? Или же это гнала фильская тоска? Я была стриженная, замерзшая, угрюмая и — дерзкая. Помню первый визит в квартиру Вячеслава Ивановича. При разговоре присутствовал Иван Моисеевич Дегтяревский, верный оруженосец поэта и его подголосок. В дальнейшем устроитель пушкинского семинара в своем доме (Староконюшенный, 4), известного, как студия Гунста. Разговора не помню. Впоследствии Вячеслав Иванович говорил мне: — Вы имеете обыкновение не нравиться сразу. Я тоже подумал тогда — "что-то странно"... Но потом ... потом ...

Я стала бывать в Большом Афанасьевском. Как-то хорошо, легко получалось входить в эти двери, непринужденно завязывалась беседа. Доверчиво, щедро рассказывал В.И. о своей покойной жене Зиновьевой-Аннибал, об ее необыкновенном даровании постигать человека. Вспоминал о ее тяжелой смерти — она задохнулась, заразившись скарлатиной, волновался, ходил по комнате. Я с замиранием сердца смотрела на большой портрет сильной, властной женщины, висевший в простенке. Позднее мне стало известно о посмертном общении поэта с умершей возлюбленной. Гершензон говорил, что Лидия Дмитриевна была не менее одарена, чем ее гениальный муж. Она умела находить общий язык с деревенской старушкой и равно с представителем высшей культуры. Она была автором книг

Эти воспоминания печатаются без согласия автора. РЕД.

О ВЯЧ. ИВАНОВЕ

”Грагический зверинец”, ”Гридцать три урода”, ”Кровь и кольцо”.

Я не могла во-время познакомиться с ее произведениями, а затем они пропали с книжного рынка совсем. Но то, что мне довелось прочитать, пугало каким-то необузданным протестом, экзальтированностью, вызовом. Характерны для нее запомнившиеся строки:

— Я б устроила в бане бал.

— Я Зиновьева-Аннибал.

Впрочем, тогдашнее мое суждение был незрелым. Думается, что она принадлежала к авторам более талантливым в жизни, чем в произведениях.

Настало теплое время, стаяли снега. Моя бритая голова оделась кудрявой шевелюрой. В.Ив. был нежно-внимателен и участлив ко мне. Он удивлялся моей интуиции, угадыванию мыслей. Так я чутьем узнала о его пристрастии к Городецкому. Об этом кратковременном взрыве взаимного влечения.

В ту весну и лето я посвящала В. Ив. стихи. Не всё уцелело. Были строки:

Как страстно я запомню это лето,
Где царственным вниманием согрета
Я в ласточку менялась из совы.
О, древнее лукавство жизни,
Приоткрывающее путь к отчизне,
Зеленый цвет травы!

Война, потрясения, бесхлебица, неустроенность — всё преодолевалось тогда силами молодости, встречей с гением, безгранично душевно-богатым.

К этому лету относится также моё признание.

— Через меня послана

Белая роза,
Роза бездонного мира
Поцелуем глубин благовонных,
Веяньем звездного неба
Навстречу сиянию в Боге
И вечной живости веры
Даром любви.

Прочитав врученный ему листочек В. Ив. взял меня за руку и

долго, долго безмолвно смотрел в глаза. Мне даже стало неловко.

Об этом посвящении Гумилев впоследствии говорил: — Отголосок символизма. Идет певец по дороге и поет. А женский голос следует за ним, прячется в кустарнике и подпевает...

Году в 20 (?) Вячеслав Иванович уехал в Баку в поисках лучшего устройства жизни. От очень любил свою семью и всемерно о ней заботился. Расставанья не помню. В 1924 году Вячеслав Иванович с Лидой и Димой вернулся в Москву и остановился в Доме ученых. Намечался скорый отъезд его в Италию при содействии Луначарского. Религиозному философу не находилось места в нашей стране. Он спрашивал обо мне, посылал знакомых съездить за мной на Фили и наладить встречу.

В Арбатском переулке в помещении школы Маяковский читал доклад о рифме, а Вячеслав Иванович сидел в Президиуме в качестве оппонента. Туда я пришла для встречи с ним. Во время доклада я захотела переменить место и встала со стула. В.И., думая, что я ухожу, вышел из-за стола, подошел и шепнул:

— Не уходите, я хочу с вами поговорить...

Так началось наше второе знакомство.

Он допытывался о моем семейном положении, я отвечала уклончиво. Он сердился. Он прелестно сердился. Жалел, что жизнь так неустроена.

— С некоторых пор я замечаю, что мысль о вас сопровождается музыкой...

Смотрел на фото и говорил: — Прелестная девушка, в которую я влюблен...

— Надо поставить маяк внутренний и внешний...

Я спрашивала: — Кто к вам ходит? — Ко мне ходят только поэты.

— Расскажите о себе...

— Я как принц в построенной башне. Мир в основном уже познан...

Одного из проходящих поэтов я встретила. Маленький человек, чуткий и пугливый, как зверек среди людей. Не знаю, что он писал, но сам был фантастическим персонажем гофмановских сказок.

— Всё плачешь ты

О мертвом женихе...

говорил В.Ив. по поводу моей печали о Гумилеве. — Он Вас отметил и умер.

— Лермонтовски-гумилевский темперамент.

Постоянным посетителем В.Ив. был Юрий Верховский. Приходила Александра Чеботаревская, покончившая с собой в тот год. Писали портреты художники.

— Мир держится молитвами тайных старцев...

В. Ив. узнал, что ко мне на Фили'ходит некий поэт, с очень дурной репутацией. Он был всюдошный и вездешний, претендовал на роль духовного руководителя. Впоследствии его сослали и в ссылке он погиб. Мне он жестоко повредил, прекрасно разобравшись в моей неопытности, бескорыстии и беззащитности. Пошло талантливый и пошло-бездарный, он имел у многих скандальный успех.

В.Ив. решительным разговором разорвал это знакомство. — Простите, что я поступил без вашего согласия ...

А я и не сердилась. Вопрос был накрепко решенный.

Одно из посвящений мне этого духовного провокатора я всё же приведу:

Смотрю, забыв сближения,
 Какходишь ты на путь,
 Как в мерности движения
 Крылато дрогнет грудь.
 Такие же высокие
 И отдых и покой,
 У ангелов Вероккио,
 Идущих в сад святой.
 Но мироненавистнику
 Мне радостен и люб
 Подобный остролистному
 Обрез горящих губ.

Мы расстались с В.Ив. наскоро. Тон прощанья с его стороны был раздраженный. Уезжая, он увозил с собой спутницу жизни О. А. Шор. Перед отъездом он написал мне предисловие к предполагаемому сборнику стихов. Это и был поставленный мне маяк — внутренний и внешний.

По общему утверждению Вячеслав Иванович удивительно выиграл в наружности к возрасту седины. В зрелости он был рых и массивен. Это ушло и осталась соразмерность фигуры, тонкость черт лица. Не одни "Жены мироносицы", как ехидно называли его поклонниц, восхищались каждым жестом, каждой позой великого артиста. Даже не вникая в суть его высказываний можно было на собеседованиях любоваться многообразием оттенков, которыми весь он переливался. Женственность, младенческая беспомощность опущенных рук, что-то от птицы, от камня, от колебанья ветвей. Лицо ученого, мудреца, провидца. Изящество каждого слова и каждого шевеленья. Как милостиво и сдержанно принимал он пищу. Голос его не имел сравнения по своему музыкальному звучанию — выверенный звук, легко взлетающий, прозрачный, серебряный. Великолепное знание людей и умение властвовать ими. Говорили, что еще в гимназические годы он умел усмирять юношей-кавказцев, которые бросались друг на друга с кинжалами во рту.

Эпитет "необыкновенный" приходится повторять многократно, постоянно.

Не удержусь сказать: "Необыкновенное душевное богатство". "Вячеслав Великолепный" — назвал свою статью о нем Лев Шестов.

Всем известно пристрастие В.Ив. к древней Греции. Аполлон и Дионис были вехами его мировосприятия. Он как-то сказал мне, что в Греции его привлекает то, что он считает руководящим — чувство меры. Но мера его была мерою снежных горных вершин. Обычное человеческое — упреки, жалобы, досада, раздражение — отступали от него прочь. Он был очень деятелен в жизненной борьбе, не поддаваясь "житейскому волнению".

Я знаю только одно имя, которое можно сопоставить с В.Ив. — Генрих Ибсен. Та же многогранность ума, горный воздух, неизменяющее равновесие изящества. И — познание пещерных лабиринтов со всеми трудностями хождения во мраке.

Вячеслав Иванович кончил своего "Человека" молитвой "Царю Небесный", как Гете кончил Фауста.

МОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

”Как виноградная лоза
Змеен,
Как юность первого дня
Древен”...

Залетным переливом соловья
Он высылал вперед себя свой голос,
Порою остр с оттенком лезвия,
Но чаще звук был светел, нерасколот.
Затем весь облик выступал ясней:
Извилистая длинных губ улыбка.
Высоты мудрой седины, пенснэ,
Движений женственная зыбкость.
Завесы пурпур, жезлы, рамена,
Подземный храм, сплетенные ехидны,
Зал малахитовый под диском дня
На будничной земле казались очевидны.
Чудесное чудовище пещер
В ученнейшем скрывалось человеке.
Страны других весов, особых мер,
Куда текут не возвращаясь реки.
Томим безмерной давностью времен
Он, не желая, слишком много помнил,
Древнейшее не проходило в нем
Как после пира вяжущая томность.
Но почему его тончайший слух
И гений, словно свет мгновенный,
Дар превращения, устремленный дух
Не овладели властью поколеньей?
В нем есть вина. Пещеры тайный мрак
Скрывал порой не россыпи алмазов,
В нем различает напряженный зрак
Сомнительную двойственность соблазнов.
Но за вину кем может быть судим
Чудесный образ, близкий Леонардо?
Не виноват ли больше перед ним
Род неотзывчивый, неблагодарный?

Былое восхищение храня,
Мы все забвению не уступаем
Заливы рек, блаженные моря
Которые его, лелея, обтекали.

1939 год.

О. А. Мочалова

ПРЕДИСЛОВИЕ К СТИХАМ ОЛЬГИ МОЧАЛОВОЙ

Искусство наших дней не знает общей, прямой, ровной дороги. Вразброд торят пионеры нехоженые пути, забираясь порой в невылазную глушь, и не всем легко и по сердцу пробираться за ними звериной тропой.

Такова и лирика О.М. Не всем сразу прозвучит она полным и внятным голосом; зато не раз и вознаградит прислушивавшихся и вникавших интенсивным просверком жизненной правды и своеобразной, причудливой красоты.

Ночь — и небесный всадник развернул "свиток точных звезд". Летний зной и "колонны воздуха перепилены алмазным журчанием птиц". Зима — и "белкой на землю прыгнул снежок". О воде — "нет женственнее переходов — возвращаться и умирать". О вечере — "Богородица кротких рук". О котенке: "обрывочком пиратских грез котенок мой живет"! И еще "шелковинка моя, водопадик, забавный до искр паяц, суматоха моя, котенок, потеха, посмеха, кот". "Столько нанюхался леса, заподозрел ведьминых грез, что рубин пред тобою безволен, женщина несильна".

О жизни: — "Итальянский мальчик". О сирени: "Как страсть гениальной старухи, протягивает руки изысканна и страшна".

О душе: "Из обломков радуг моих построй человечью душу".

Любимый "прием" поэтессы, проще сказал бы — оригинальная особенность — парадокс воображенья.

Поэзия ли это? Но как назвать иначе сжатую в немногих с налета, но не случайно схваченных словах, такую встречу души и жизни, когда последняя неожиданным поворотом и выраженьем

лица как бы проговаривается и выдает что-то о себе первой. А эта мгновенно ловит вырвавшиеся просверком полупризнания и делает из этого лишнее слагаемое своей дружбы и вражды, влюбленности в мир и ненависти к миру? Поистине, это схватыванье чуждого и нечаянного в изведенном и обычно-замкнутом, это целостное изживанье в типичном явлении его внезапно усмотренной разоблаченной единственности и вместе общности с отдельным и чужеродным — составляет индивидуальную основу поэзии, как творчества образов.

Искусство ли это?

Да, если не победу гармонии и высоты, незаблемых, как прежде мы зовем ныне искусством, но и отчаянно-дерзкую игру с прибором хаоса на крайних отмелях разумного сознанья. Необычайная по быстроте и остроте сила узрения, представляющая новыми и невиданными знакомые вещи и отношения, давно была примечена мною в первых поэтических опытах М. Ради этой силы и прощаю их дерзкую и вместе застенчивую, злую и ласковую дикость, их невыдержанность и беззаконность. В ее глазах лирическое зеркало, искажающее линии и пропорции вещей, как искажает и сдвигает всё новое искусство, но сосредоточивающее в предмете, как в некоем фокусе, их душу. И еще за то я мирюсь с ее варварской музой (волчья Беатриче), что в ее стихах поет лесная хищная кровь под холодною маскою гордой и резкой мысли, за то, что она не любит интонаций душевной убедительности и, определяя или изображая вещи и ощущения, больше скрывает, чем выражает сердечное чувство (признак глубокой страстности); за металлически-звонкий и уверенный тон ее приговоров, тем более звонкий и холодный, чем мучительнее заключенное в них признание, за рассчитанную сухость определений, за алгебру отвлеченных понятий, раскрывающих только внутреннему зрению цветущий образ, — за надменную скупость слов и мелодий, за сдержанный в наружном проявлении и в глубине неукротимый душевный пыл. Галант жесткий и хрупкий. Она похожа на Гумилева, в стихах которого по ее словам "стройный воздух" — духом его вольности и вызова и сталью духовного взора — и напоминает порой Маллармэ (которого не знает) приемом сочетанья

абстрактного с чуждым конкретным для обозначенья другой, не названной конкретности, как и парадоксами синтаксиса.

Начало творческой деятельности М. многое обещает и ко многому обязывает, но поручиться за нее ни в чем нельзя. Гордая, она по-лермонтовски несвободна, потому что не находит в себе воли — веры, нужной для выбора пути. То строго-пытливо, то дерзко-жадно вглядывается она в лицо жизни, но песня не ставит ее выше жизни, не освобождает. У нее самостоятельная оригинальная манера при относительной слабости техники (стихи ее различишь среди тысячи) и великолепный поэтический темперамент, сочетающийся с необыкновенною силой узренья, но еще нет окончательно сложившегося лица.

Вячеслав Иванов

Москва, 27 августа,
1924 г.